

П Р И В А В Л Е Н І Я К Ъ В О Л О Г О Д С К И М Ъ Е П А Р Х І А Л Ъ Н Ъ М Ъ В Ъ Д О М О С Т Я М Ъ .

(Г О Д Ъ Т Р И Д Ц А Т Ъ Ч Е Т В Е Р Т Ы Й) .

Іюля 15.

№ 14.

1898 года.

ПОСѢЩЕНІЕ ГОРОДА ВЕЛИКАГО УСТЮГА ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ СЕРГІЕМЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ.

Съ равней весны стали носиться слухи о посѣщеніи лѣтомъ текущаго года нашего города Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ. Слухи эти сначала были неопредѣленные, но съ половины мая слѣдалось достоверно извѣстнымъ, что Великій Князь прибудетъ и въ Вологодскую губернію для обозрѣнія мѣстныхъ воинскихъ командъ и воинскихъ управленій и имѣетъ намѣреніе прослѣдовать даже до Устьесольска. Выяснилось наконецъ и то, что по маршруту прибытіе Великаго Князя въ Устюгъ назначено 31 мая. Нашему городу, удаленному отъ центра Россіи и лишенному удобныхъ путей сообщенія, рѣдко выпадаетъ на долю встрѣчать и принимать у себя Августѣйшихъ Посѣтителей. Поэтому всѣ съ радостью стали готовиться къ приему такого Дорогаго Гостя: представители администраціи, духовенства, города и земства совмѣстно обсуждали и выработывали программу встрѣчи и посѣщеній Великимъ Княземъ различныхъ учрежденій города; въ учебныхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ производился поспѣшный ремонтъ на случай посѣщенія ихъ Великимъ Княземъ; граждане исправляли улицы, приводили снаружи свои дома въ благообразный видъ, готовили флаги и другія украшенія. По маршруту церковная встрѣча назначена была въ Устюжскомъ Успенскомъ соборѣ, откуда Великій Князь имѣлъ прослѣдовать въ Прокопѣвскій соборъ, церковь св. Іоанна Праведнаго, Устюжскаго Чудотворца, и въ монастыри: мужской Михаило-Архангельскій и женскій Іоанно-Предтеченскій. Во всѣхъ этихъ церквахъ и монастыряхъ также шли усиленные приготовленія къ встрѣчѣ Его Императорскаго Высочества, производившіяся подъ руководствомъ и непосредственнымъ наблюденіемъ Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Гавриила, Епископа Великоустюжскаго.

Наступилъ, наконецъ, и ожидаемый съ нетерпѣніемъ день 31 мая. Съ ранняго утра городъ украсился флагами; всѣ лавки и магазины были закрыты; жители города, окрестныхъ селеній и много прїѣзжихъ изъ дальнихъ сель и деревень устремились на берегъ рѣки Сухоны для встрѣчи Высокаго Гостя. Здѣсь на берегу противъ Прокопѣвскаго собора устроена была на средства города особая пристань съ павильономъ и триумфальною аркою, украшенными флагами и зеленью. На пристани собрались представители всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій города и нѣсколько старшинъ изъ уѣзда. Въ Успенскій соборъ были собраны воспитанники и воспитанницы Епархіальнаго женскаго училища, женской прогимназіи, лѣсной школы и городского училища. Здѣсь же въ соборѣ ожидало прибытія Великаго Князя и назначенное для встрѣчи Его духовенство, въ числѣ 10-ти протоіереевъ и священниковъ, во главѣ со своимъ Архипастыремъ. Пробыло 12 часовъ дня, когда по росписанію долженъ прибыть парохоль, на которомъ изволить совершать свое путешествіе Великій Князь; но парохода еще не видно. Все чаще и чаще взоры всѣхъ начали устремляться вверхъ по рѣкѣ Сухонѣ въ ожиданіи, — вотъ-вотъ сію минуту покажется съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый парохоль. Къ 3-мъ часамъ пополудни нетерпѣливое ожиданіе достигло высшей степени, но никто изъ собравшихся не уходилъ домой, хотя большинство пришли на берегъ рѣки съ 7 и 8 часовъ утра. Но вотъ въ началѣ 4-го часа пополудни ударъ тысячечудоваго соборнаго колокола возвѣстилъ о приближеніи парохода съ Дорогимъ Гостемъ. Всѣ встрепенулись, устремились на набережную, и каждый старался занять мѣсто поближе къ пристани и пути слѣдованія Великаго Князя въ соборъ. При колокольномъ звонѣ всѣхъ градскихъ церквей парохоль тихо и плавно подошелъ къ пристани. По выходѣ съ него, Великій Князь принялъ благосклонно хлѣбъ-соль на блюдахъ, поднесенные Его Высочеству отъ города, земства, мѣщанской и ремесленной управъ и волостныхъ старшинъ и, по представленіи собравшихся здѣсь для этой цѣли чиновниковъ, изволилъ направиться въ Успенскій соборъ. Весь путь отъ пристани до собора былъ устланъ сукномъ и поверхъ его кумачемъ; а по ту и другую сторону, для поддержанія порядка, цѣпью стояла охрана изъ мѣстныхъ жителей города, которые въ виду малочисленности полиціи, по предложенію г. Уѣзднаго Исправника, въ количествѣ 400 человекъ изъявили желаніе поддерживать порядокъ и охранять Августѣйшаго Гостя при посѣщеніи Имъ города. — Лишь только Великій

Князь показался изъ павильона пристани, какъ дружное „ура!“ раздалось изъ тысячъ устъ собравшагося на набережной народа, съ сердечною радостію и любовію встрѣчавшаго Его, и не умолкало до тѣхъ поръ, пока Онъ не вступилъ въ соборъ. При входѣ въ соборъ Его Высочество былъ встрѣченъ Преосвященнѣйшимъ Гаврииломъ, Епископомъ Великоустюжскимъ и назначеннымъ для сего духовенствомъ. Когда Великій Князь приложился къ св. кресту и принялъ окропленіе св. водою, Его Преосвященство привѣтствовалъ Его слѣдующею краткою рѣчью:

Ваше Императорское Высочество!

Съ сердечною радостію и совершенною преданностію срътаемъ Васъ и отъ полноты всей души привѣтствуемъ Васъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ сей отдаленный отъ путей цивилизаціи сѣверный городъ Великій Устюгъ. Въ знакъ своей искренней преданности въ лицѣ моемъ Великоустюжское духовенство проситъ Васъ, Ваше Императорское Высочество, принять отъ насъ икону Божіей Матери, дабы Она, Премилосердая, являющая отъ древнихъ лѣтъ Свое покровительство нашему граду, милостивно сопутствовала и Вамъ въ Вашемъ входженіи и исхожденіи отнынѣ и на многія лѣта. Благословенъ грядый во имя Господне!“

По произнесеніи сихъ краткихъ, но содержательныхъ словъ, Его Преосвященство поднесъ Великому Князю икону Божіей Матери Одигитріи, въ сребро-позлащенной ризѣ и футлярѣ. Благоговѣнно приложившись къ ней, Великій Князь передалъ св. икону сопровождавшему Его адъютанту; затѣмъ послѣдовала обычная встрѣча, послѣ которой Его Императорское Высочество приложился къ чудотворной иконѣ Божіей Матери Одигитріи, присланной въ даръ собору Ростовскими князьями въ 1290-мъ году, и осматривалъ достопримѣчательныя церковныя древности, сохраняемыя какъ въ соборѣ, такъ и другихъ городскихъ церквахъ. Всѣ эти древніе церковные предметы были разложены на столахъ, поставленныхъ въ соборѣ. Объясненія объ этихъ древностяхъ давалъ Великому Князю Протоіерей собора о. П. Чернавскій. Изъ Успенскаго собора Его Императорское Высочество прослѣдовалъ сначала въ церковь Іоанна Праведнаго и Прокопьевскій соборъ, гдѣ встрѣченъ былъ назначеннымъ по распоряженію Его Преосвященства духовенствомъ, благоговѣнно молился предъ раками св. Устюжскихъ Угодниковъ, принялъ поднесенныя Ему иконы сихъ Угодниковъ, разспрашивалъ о времени жизни ихъ и затѣмъ при восторженныхъ кликахъ народныхъ отбылъ въ

Михаило-Архангельскій монастырь. Большое количество народа собралось и сюда, а въ монастырскомъ соборѣ находились ученики мѣстнаго духовнаго училища, которое помѣщается въ стѣнахъ сего монастыря. Послѣ обычной встрѣчи при входѣ въ соборъ братією монастыря, Великій Князь, продолжая идти далѣе въ самый храмъ и улыбаясь, кланялся встрѣчавшему уже Его въ соборѣ Настоятелю монастыря Епископу Гавріилу и народу и остановился предъ иконою Спасителя, пока училищные пѣвчіе подъ руководствомъ учителя пѣнія пѣли храмовой тропарь. Потомъ Преосвященный Настоятель монастыря обратилъ вниманіе Великаго Князя на замѣчательныя выставленныя предметы, сохранные отъ древнихъ временъ, какъ-то: на два древніе складня, иконы, архимандритскіе малаго размѣра кресты и такого же размѣра епископскія панагіи, на вышитую шелкомъ плащаницу 16 вѣка, на вериги основателя монастыря, на желѣзный парманъ (вѣс. полпуда) и части желѣзной кольчуги, на оловянные сосуды и на запалныя двери храма. Затѣмъ Его Императорское Высочество направился къ выходу изъ храма и, на приглашеніе Преосвященнаго осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, милостиво отвѣтивъ: „очень радъ посѣтить“, пошелъ переходами въ настоятельскія комнаты. По прибытіи сюда Великій Князь принялъ малое угощеніе, поднесенныя двѣ книги—сочиненіе Его Преосвященства, спрашивалъ о монастырѣ и желалъ имѣть исторію его, но она еще не составлена. Среди бесѣды, продолжавшейся $\frac{1}{2}$ часа, и разнаго рода вопросовъ о прежнемъ мѣстѣ пребыванія Преосвященнаго Гавріила, Великій Князь разсматривалъ фотографическія карточки монастырей, въ которыхъ имѣлъ ранѣе пребываніе Преосвященный, и припомнилъ Тверскіе монастыри—Отрочъ и Желтиковъ, говоря: „знаю“. Въ бесѣдѣ съ Великимъ Княземъ Преосвященнымъ было высказано и о томъ великомъ значеніи, какое имѣетъ посѣщеніе Его Императорскимъ Высочествомъ мѣстности отъ Вологды до Устьсысольска—последняго города Вологодской губерніи, отстоящаго отъ Вологды на 900 верстъ, куда еще ни разу не ступала нога Царственной крови,—а также и о воодушевленіи народа, который въ большомъ количествѣ всюду слѣдовалъ за Высокимъ Посѣтителемъ, желая какъ можно болѣе насладиться лицезрѣніемъ Его.

Изъ Михаило-Архангельскаго монастыря Великій Князь отбылъ въ женскій Іоанно-Предтеченскій монастырь. Встрѣченный при началѣ лѣстницы, ведущей въ обитель, сестрами ея во главѣ съ игуменією Флорентією, поднесшею просфору и икону покровителя монастыря, св. Іоанна Предтечи, въ

вышитой золотомъ ризѣ, Его Императорское Высочество помолился въ монастырскомъ храмѣ, удостоилъ Своимъ Высокимъ посѣщеніемъ келліи игуменіи, изволилъ здѣсь откушать чаю, спрашивалъ о монастырѣ, числѣ насельницъ его и занятіяхъ ихъ. Узнавъ, что поднесенная Ему икона писана въ монастырѣ и риза вышита монастырскими мастерицами, Великій Князь изъявилъ желаніе посѣтить живописную мастерскую и осматривалъ здѣсь работы послушницъ занимающихся иконописаніемъ; а когда Онъ изволилъ идти изъ келліи игуменіи въ мастерскую, то, увидавъ цвѣтущую сирень, сорвалъ вѣточку ея. Не укрылось это отъ вниманія взоромъ нѣсколькихъ дѣвочекъ, призрѣваемыхъ въ монастырѣ; и онѣ, желая выразить свою дѣтскую любовь къ Августѣйшему Гостю и сдѣлать Ему пріятное, сейчасъ же нарвали два большихъ букета изъ сирени и положили въ коляску Его.—На пути также въ мастерскую благоудно было Великому Князю обратить вниманіе на посыланные коврики, сплетенные изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, и спросить: „не дѣлаются ли они въ монастырѣ и не продаются ли?“—Желаніе Дорогаго Гостя было исполнено, и въ коляску Его былъ положенъ одинъ изъ такихъ ковриковъ. Затѣмъ, милостиво простившись съ настоятельницею и сестрами обители, осчастливленными этимъ посѣщеніемъ, Его Императорское Высочество отправился для осмотра управленія уѣзднаго воинскаго начальника, казармъ мѣстной военной команды и, кромѣ того, посѣтилъ Владимірскую руководѣльную для бѣдныхъ дѣвочекъ, открытую въ память посѣщенія г. Устюга Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ въ 1885 году, и выставку мѣстныхъ издѣлій, устроенную къ пріѣзду Его въ уѣздной земской управѣ, гдѣ Ему поднесены были нѣкоторые издѣлія.—Въ 7-мъ часу вечера Великій Князь прибылъ на пароходъ и отправился въ дальнѣйшій путь. Крики „ура!“ покрывшаго сплошною массою всю набережную народа и колокольный звонъ всѣхъ градскихъ церквей сопровождали отъѣздъ Высокаго и Дорогаго Гостя. Великій Князь все время стоялъ на верху и привѣтливо кланялся на раздававшіяся съ берега прощальныя привѣтствія, пока пароходъ не отошелъ совсѣмъ отъ города. Съ сердечными пожеланіями благополучнаго путешествія Августѣйшему Путешественнику разошлись жители города по своимъ домамъ, счастливые и довольные пріятными впечатлѣніями настоящаго дня, который останется памятнымъ для нихъ на всю жизнь.—На обратномъ пути изъ Устьсысольска Его Императорское Высочество прослѣдовалъ мимо Устюга 5 іюня въ 8-мъ часу утра, но съ парохода, который

останавливался только на нѣсколько минутъ, Онъ не изво-
лилъ выходить.

ПОѢЗДКИ ВОЛОГОДСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО МИССІО- НЕРА ВЪ 1897 ГОДУ!

(Окончаніе.)

IX.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, о святкахъ, я вторично за годъ по-
сѣтилъ Троицкій Согожскій приходъ. 28 числа, въ воскре-
сенье, я вмѣстѣ съ приходскимъ причтомъ совершалъ бого-
служеніе. Послѣ утрени сказалъ проповѣдь, въ которой, рас-
крывалъ недостаточность и непослѣдовательность вѣры старо-
обрядцевъ - раскольниковъ во Христа Спасителя, а за литур-
гіей—проповѣдь на тему о нашемъ сыновствѣ Богу.—27, 28
и 29 чиселъ вечерами были немногочисленные бесѣды въ дерев-
нѣ Ларивоновѣ въ домѣ крестьянина Петра Елеazarова: вре-
мя было праздничное и народъ занятъ былъ бесѣдами друга-
го рода. Изъ настоящихъ раскольниковъ никого на моихъ
бесѣдахъ не было, но склонные къ расколу были. Выясни-
лось, что они не имѣютъ самостоятельнаго своего мнѣнія и
всѣ полагаются на мнѣнія „дѣдушки Аввакума“. Поэтому
особенный интересъ представляла книга этого Аввакума
„Вѣчная правда“, которая, какъ и на мартовскихъ бесѣдахъ,
была мѣстами читана и разбираема. Самого автора точно
также, какъ и въ мартѣ, не было въ деревнѣ, хотя я полу-
чилъ извѣстіе, что онъ о праздникѣ будетъ дома. Между
прочимъ, по этой причинѣ я и пріѣхалъ. Было слышно, что
онъ намѣревается наконецъ доказать поименованному Петру
Елеazarову, что тотъ ошибся, оставивъ ту старую вѣру, ко-
торой не знали въ Ларивоновѣ до Аввакума. Онъ просбиралъ
4 года съ этими доказательствами; наконецъ, будто бы
собрался окончателью. Въ Ларивоново на Рождество собира-
ются вѣтовцы изъ сосѣднихъ приходоѡвъ, потому что о Рож-
дествѣ народъ на Согожѣ празднуетъ. Въ присутствіи при-
бывшихъ гостей и предполагался этотъ интересный судъ вер-
ховнаго наставника вѣтовщины надъ бывшимъ его ученикомъ
и его женой, которые, лишь только стали жить своимъ умомъ,
а не слѣпо вѣровать этому Аввакуму, какъ и познали ложь
и пустоту раскола и освободились отъ его сѣтей. Но, за от-
сутствіемъ Аввакума, конечно, не состоялось этого суда. Для
меня онъ интересъ представлялъ не тѣми, довольно извѣст-

ными, доказательствами, которыми раскольники оправдывают свой раскол съ церковію, а тѣми отвѣтами на раскольничьи упреки, которые дали бы мнимо виновные, т. е. оставившіе расколъ мужъ и жена. Зная ихъ обоихъ, я былъ увѣренъ, что они оразятъ всѣ нападки расколуучителя.

Петра Елеазарова я запомню съ самой первой моей бесѣды въ Троицкомъ Согожскомъ приходѣ (1890 г.). Онъ тогда былъ раскольникомъ и горячо стоялъ за расколъ. При слѣдующихъ бесѣдахъ онъ сталъ тише и тише. Потомъ онъ сталъ покупать у меня книги изъ тѣхъ, которыя я распро-страняю; въ мартѣ 1893 года послѣ бесѣды, на которыхъ не было Аввакума, онъ купилъ 1 часть Выписокъ Озерскаго. Раза два бывалъ у меня въ Вологдѣ, не по долгу: бывалъ, какъ оказалось потомъ, секретно отъ своихъ старовѣровъ. 4 октября 1893 года въ бытность мою у Согожскаго священника онъ пришелъ къ нему. Тутъ я узналъ отъ него, что черезъ бесѣды и книги онъ совершенно разубѣдился въ расколѣ, твердо увѣрился въ истинности св. церкви и нѣтъ у него никакихъ сомнѣній, и спрашивать или бесѣдовать теперь ему уже больше не о чемъ.. Но—онъ роетъ могилу для какой-то старовѣрки и вмѣстѣ со старовѣрами будетъ молиться о ней и поминать ее на обѣдѣ. Не возможно ему присоеди-ниться къ церкви православной, „пока живъ дѣдушка Павелъ“.

Дѣдушка Павелъ старый, фанатичный раскольникъ, постоянно сидящій надъ книгами, которыхъ у него много, читающій ихъ себѣ и приходящимъ къ нему. Дѣдушка Павелъ одинъ изъ первыхъ раскольниковъ въ Ларивоновѣ, совращенныхъ изъ православія въ нѣтовщину давно—давно, около 50 лѣтъ, другимъ дѣдушкой Аввакумомъ, насадителемъ Ларивоновскаго раскола. Дочь его Александра Павловна—первая изъ крещенныхъ этимъ Аввакумомъ, до котораго вологодскіе нѣтовцы считали ересью, если престоць станетъ совершать крещеніе: среди нихъ новоспасовскіе порядки утвердилъ этотъ Аввакумъ. Она тоже, какъ ея родитель и креститель, рьяная раскольница, у которой никогда и на умѣ не было, что могутъ „старики“ ошибаться, а попы быть правыми. Она непоколебимо вѣритъ тому, что скажутъ Аввакумъ и ея родитель. Да и сама она хорошо грамотная и видитъ, что писано въ старыхъ книгахъ. Черезъ очки старовѣрскаго воспитанія она, разумѣется, видѣла, что правы старовѣры. Впрочемъ, она и не сличала никогда ненавистное ей православіе съ дорогимъ и милымъ сердцу расколомъ,—такъ она тверда въ своей вѣрѣ. Самая мысль о возможности подобнаго сличенія ей казалась странной: она смѣялась надъ тѣми, кто ходилъ на

мисіонерскія бесѣды. Ей все ясно, и развѣ можно сравнивать „Спасову“ вѣру съ „ніконіанствомъ“?—И эта Анна Павловна—жена Петру Елеазарову, а дѣдушка Павелъ—ему тесть. И всѣ трое они живутъ въ одномъ домѣ.

Жены онъ не боится и на нее не посмотрѣлъ бы, что бы оставить расколъ: жена, хоть и будетъ поражена и возмущена, но съ ней, какъ съ женой, можно стговориться, да и разумная она, только никогда не занималась сличеніемъ вѣрѣ и знаетъ одну свою спасовскую, она пойметъ, Богъ дастъ,... „но дѣдушка Павелъ! да онъ умретъ съ одного горя, что его зять сталъ православнымъ. У него, вѣчно читающаго старыя книги и всѣхъ учащаго, что не должно ходить въ церковь, заведется въ семьѣ человекъ, который ходитъ въ церковь! И добро бы молодой какой, который присоединяется къ церкви нерѣдко ради вѣнчанія, а то человекъ, которому за сорокъ лѣтъ, давно болѣе 20 лѣтъ назадъ женившійся и женившійся на его, дѣдушки Павла, дочкѣ. Нѣтъ, ему не стерпѣть этого перехода въ православіе. Придется подождать присоединеніемъ, чтобы не умеръ старый отъ горя“. Напомнилъ я тогда Петру Елеазаровичу слово Спасителя: „иже любитъ отца или матеръ паче мене нѣсть мене достоинъ“ (Мат. X. 37) и другое, болѣе строгое: „аще кто грядетъ ко мнѣ и не возненавидитъ отца своего и матеръ, и жену, и чада, и братію и сестрѣ, еще же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ“, (Лук. XIV, 26) и объяснилъ ему эти слова. А онъ и говоритъ мнѣ: „знаю, батюшка, и самъ это Евангельское слово и не разъ думалъ о немъ. Но какво разорвать эту связь?! Какъ это трудно...—“Вѣрно, отвѣчаю ему, говорить и совѣтовать другому легче, чѣмъ самому исполнять и переживать. Трудно тебѣ, но что же дѣлать? Надо выбирать между дѣдушкой Павломъ и Христомъ Спасителемъ... Кто дороже, тому служи и угождай, двумъ же господамъ за разъ не угодить (Лук. XVI, 13)“.

—Ахъ, Господи!..

—А что говоришь ты: „подожду, пока умретъ“, то какъ знать, кто раньше умретъ: старый ли, 80 лѣтній, дѣдушка Павелъ, или мы съ тобой, которые и вдвоемъ моложе его? Смертнй часъ никому не извѣстенъ. Смотри, какъ бы не ошибиться въ расчетахъ.

На это мое слово Петръ Елеазаровъ сказалъ: „пока Богъ грѣхамъ терпитъ, буду ждать смерти дѣдушки, и присоединюсь, какъ только онъ умретъ. Но если самого пристигнетъ болѣзнь, тогда ни на что и ни на кого не взирая, позову отца Арсенія и присоединюсь“.

И я тогда же записалъ это его слово въ моемъ дневникѣ.

Въ мартѣ 1894 года мой бывшій помощникъ по должности Александръ Савельевъ Цвѣтковъ передалъ мнѣ слухъ, что Петръ Елеазаровъ ходитъ и преусердно въ церковь. Тогда же онъ и самъ прибылъ ко мнѣ. Спрашиваю: умеръ дѣдушка Павелъ?

— Нѣтъ, живъ, слава Богу.

— Значить, ты самъ былъ боленъ?

— Вѣрно. Вотъ какъ былъ боленъ, отчаявался въ жизни, призвалъ батюшку о. Арсенія, исповѣдался, причастился, вскорѣ же и выздоровѣлъ.

— Слава Тебѣ, Господи!

Жена, когда пріѣхалъ къ нему священникъ, выбѣжала на повѣтъ и завыла на всю деревню, не помня себя: не мужа было жаль, а несносно, что у нихъ въ домѣ священникъ. Онъ выздоровѣлъ, а она чуть не слегла въ постель съ горя, что мужъ присоединился къ церкви. Былъ у него Егоръ Романовъ изъ Домшина и другіе старики, всѣ они тужили, что онъ, по ихъ мнѣнію, попалъ прямо въ адъ. Больше же всѣхъ тужилъ, конечно, дѣдушка Павелъ. Когда онъ увидѣлъ, что надежды на возвращеніе Петра опять въ расколъ нѣтъ никакой, онъ столь этимъ былъ огорченъ, что какъ ни упрашивали остаться, ушелъ изъ своего дома и перешелъ на житѣе къ сыну, который пока считается православнымъ: ему легче казалось съ этимъ „ніконіаниномъ“, чѣмъ съ оставившимъ его вѣру. Только потомъ уже, когда онъ заболѣлъ предсмертной своею болѣзью, онъ вернулся умирать въ свой домъ, къ зятю. Ему же завѣщалъ и значительную часть своихъ старинныхъ книгъ, но съ переходомъ его въ православіе не могъ примириться. Такъ и умеръ, тоскуя объ этомъ переходѣ.

Жена Петра Елеазарова, къ не малому его удивленію и къ великой радости, лишь только начала спокойно изслѣдовать вопросъ о вѣрахъ, вскорѣ и сама убѣдилась, какъ тяжело погрѣшаютъ старовѣры. Отцовы же книги и помогли ей обратиться. Особенно на нее подѣйствовало 150 зачало изъ Толковаго Апостола, начиная съ этого мѣста: „паки Златоустъ. Яко же бо Ілія остави во образѣ и Елисею милоту, въ немже хождаше, тако и Господь нашъ Іисусъ Христосъ оставилъ возлюбленнѣй церкви своей одежду драгу, порфиру царску, еуже покры божество свое ради спасенія міра, сирѣчь тѣло и кровь свою“....

Много было разговоровъ за три дня пребыванія моего у этихъ супруговъ. Я передамъ одинъ, который характеризуетъ

степень ихъ преданности церкви.—Извѣстна ревность старо-обрядская о двуперстіи. Въ приходахъ, гдѣ есть раскольники, и природные православные нерѣдко почти все крестятся двуперстно. И благоразуміе священниковъ и любовь къ братіямъ, немощствующимъ совѣстію, терпятъ эту приверженность къ особому обычаю при единствѣ вѣры и при покорности церкви. Ничто такъ не страшитъ раскольниковъ въ нашей вѣрѣ, какъ троеперстіе, и ничѣмъ они не любятъ такъ пугать и стращать приверженныхъ къ двуперстію православныхъ, какъ тѣмъ, что въ церкви узаконенъ именно этотъ видъ перстосложенія и что креститься двуперстно будто бы непозволительно для членовъ церкви. Одинъ изъ собесѣдниковъ въ домѣ Петра Елеазарова и напалъ на эту тему. Онъ изъ сильно приверженныхъ къ расколу, хотя еще не настоящій раскольникъ. Конечно, и онъ страшно боится трехъ первыхъ перстовъ. Думая, что и въ Петрѣ Елеазаровѣ и его женѣ еще живо это раскольникче чувство страха предъ троеперстіемъ, онъ сталъ взводить, какъ вину, на церковь это ея перстосложеніе. Оправдывать церковь я далъ возможность женѣ Петра Елеазарова. И она такъ стройно и хорошо изложила мысли о древности и православности троеперстія, что я былъ даже удивленъ. Но особенно неожиданно было отъ нея, дочери закоренѣлаго раскольника, воспитанной въ крайней приверженности къ обряду и самой еще недавней раскольницѣ, можно сказать, почти вчера только ставшей православною, слышать такія слова: „ужь не думаешь ли ты запугать меня троеперстіемъ?—сказала она, обратившись къ собесѣднику,—такъ знай, что я вовсе теперь на вашего раскольниковскаго духа. Я твердо вѣрую, что въ Грекороссійской церкви нѣтъ ничего не только еретическаго, но и нововводнаго. Ты не смотри на то, что я сама крещусь двуперстно; не думай, что я боюсь троеперстія. Если бъ я его боялась, я бы и не отстала отъ раскола и не присоединилась бы къ церкви. Если же я крещусь двуперстно, то дѣлаю это только по привычкѣ, да по тому, что церковь покорнымъ ей не возбраняетъ двуперстія. Но если бы, не говорю ужь про вселенскихъ патріарховъ и про Св. Правительствующій Синодъ, не говорю и про нашего вологодскаго архіерея, если бы да же нашъ приходскій батюшка, о. Арсеній, сказалъ мнѣ: Александра! крестись троеперстно, я бы ни минуты не стала колебаться и исполнила его повелѣніе. Вотъ какъ я понимаю о святости и непорочности церкви и ея обрядовъ. Ты не мѣрай мою вѣру на свой раскольническій аршинъ“....

Когда я слышалъ эти и подобныя рѣчи прежнихъ уче-

никовъ Аввакума Комиссарова, мнѣ становилось вполне понятно, почему этотъ ихъ учитель такъ долго не сберется сдѣлать имъ упрекъ за оставленіе ими раскола: они нашли бы чѣмъ ему отвѣтить. И я радовался, что у приходскаго священника оказываются такіе защитники церкви противъ раскольническихъ нападокъ на нее, вышедшіе изъ самаго гнѣзда раскола. И священникъ говорилъ мнѣ, что уже замѣтно доброе вліяніе этой четы на нѣкоторыхъ изъ Ларивоновскихъ жителей, всѣхъ вообще склонныхъ къ расколу.

Нѣкоторые изъ приверженныхъ къ расколу прямо говорили, что они держатся Аввакумомъ: такое довѣріе имѣютъ къ нему, что вполне на него полагаются. Зная это ихъ настроеніе, я въ мартѣ 1897 г. пріѣзжалъ съ нарочитой цѣлю побесѣдовать съ авторомъ „Вѣчной правды“. Но его не было дома, хотя я заранѣе извѣщалъ, что прибуду въ приходъ. Теперь нѣкоторые сами говорили, что непременно достанутъ Аввакума на бесѣды, которыя я обѣщаль сдѣлать у нихъ въ церкви во второй половинѣ января. Объявляя я объ этихъ предстоящихъ бесѣдахъ и въ церкви, когда 28 числа служилъ. Мнѣ хотѣлось какъ можно больше распространить вѣсть объ этихъ бесѣдахъ, чтобы она и до раскольниковъ непременно дошла, дабы они потомъ не сказали, будто не знали о нихъ и потому не достали своего наставника и защитника, который обыкновенно не живетъ дома, но въ отлучкѣ у раскольниковъ другихъ мѣсть. Но м и старанія объ этомъ не достигли своей цѣли: когда я въ обѣщанное время, во второй половинѣ января 1898 года, прибылъ въ Троицкій Согожскій приходъ, я опять не видалъ въ немъ ни одного раскольника.

Всѣ девять поѣздокъ въ 1897 году въ общей сложности продолжалась 114 дней. Я посѣтилъ въ Вологодскомъ, Грязовецкомъ и Кадниковскомъ уѣздахъ 26 приходовъ—по 10 въ двухъ первыхъ и 6 въ третьемъ. За время, проведенное въ поѣздкахъ, я совершилъ 36 соборныхъ служеній, сказалъ 87 проповѣдей на противораскольническія темы и устроилъ 80 собесѣдованій съ народомъ. Народъ, вообще говоря, охотно и усердно слушаетъ миссіонерскія рѣчи. Но раскольники почти поголовно бѣгутъ отъ нихъ, какъ видно было изъ описанія поѣздокъ.

Когда я слышу отношенія раскольниковъ къ бесѣдамъ за этотъ, восьмой, годъ моей дѣятельности съ ихъ отношеніями за первый, нахожу великую разницу. Сколько тогда въ нихъ и въ ихъ руководителяхъ и наставникахъ было смѣлости и увѣренности въ своей правотѣ! Какъ рѣшительно они

брались обвинять нашу церковь и защищать свои секты! А теперь эта смѣлость и храбрость смѣнилась трусостью и бѣгствомъ отъ бесѣдъ. Они увидѣли, что не возможно оправдать расколъ и обвинить церковь и вотъ ихъ нѣтъ на бесѣдахъ. Самый народъ, живущій въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ, измѣнился въ своемъ настроеніи: тогда онъ, привыкши слышать отъ раскольниковъ одно восхваленіе расколу и порицаніе церкви, съ удивленіемъ видѣлъ, какъ незнакомый „священникъ изъ Вологды, отъ архіерея“ смѣло беретъ старовѣрскими книгами доказывать ложь раскола и правоту церкви, его сочувствіе почти всегда было на сторонѣ расколуучителей; теперь онъ, не видя мутящихъ его совѣсть и вѣру этихъ расколуучителей, только негодуетъ на ихъ бѣгство и требуетъ, чтобы они являлись на бесѣды, а отъ „священника изъ Вологды, отъ самаго архіерея“, котораго онъ уже давно знаетъ и зоветъ по имени, довѣрчиво ищетъ разъясненія своихъ недоумѣнныхъ вопросовъ. По отзыву священника самаго зараженнаго расколомъ Флоролаврскаго прихода въ Грязовецкомъ уѣздѣ о. Александра Садокова, „теперь миссіонерскія бесѣды нанесли ударъ расколу и вывели всѣхъ изъ дремотнаго состоянія; они пріостановились безразсудно валиться, какъ въ бездонную яму, въ расколъ, стали прислушиваться, вдумываться, выжидая, что будетъ дальше, не оправдаются ли раскольники“. Если бы поскорѣе наступило и вездѣ такое же небезразсудное отношеніе къ расколу, если бы и вездѣ бѣдные люди перестали валиться въ расколъ, какъ въ бездонную яму!

Епарх. миссіонеръ свящ. Іоаннъ Полянскій.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ЭЛЕМЕНТЪ ВЪ АСКЕТИЧЕСКИХЪ ТВОРЕНІЯХЪ И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ДЛЯ ПАСТЫРЕЙ ЦЕРКВИ.

(Продолженіе).

Печаль и уныніе суть необходимое слѣдствіе или совершенно неправильнаго, или неустановившагося и разшатаннаго міровоззрѣнія. Постановленіе своего блага въ качествѣ жизненной цѣли, будетъ ли то эгоистически животное или духовное благо,—все равно, постановленіе своего „я“ выше всего неизбежно влечетъ за собой страсти печали и унынія, какъ естественныя патологическія состоянія души при растратѣ и ослабленіи ея силъ. „Печаль рождается изъ предшествовавшей ей

страсти или гнѣва, или похотѣнія, или любостязанія, когда кто испытываетъ въ умѣ потерю предвзятой надежды удовлетворенія или дѣлами, или вещами по роду ихъ.“⁹¹⁾ Печаль происходитъ „или отъ предшествовавшаго гнѣва, или отъ потери прибыли и понесенія убытка, или отъ нанесенной намъ обиды.“⁹²⁾ Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи печаль является въ формѣ унынія.⁹³⁾ Уныніе есть изнеможеніе души,⁹⁴⁾ расслабленіе ума, черадѣніе о подвижничествѣ, ненависть къ данному обѣту;⁹⁵⁾ уныніе есть ослабленіе духовной жизни.⁹⁶⁾ Уныніе различается у свв. подвижниковъ, какъ уныніе отъ діавола и уныніе естественное. Первое есть въ собственномъ смыслѣ грѣховная и опасная страсть, обличающая въ насъ ослабленіе духовной жизни и оземлененіе нашихъ интересовъ. Второе, естественное, есть просто результатъ физическаго переутомленія чрезвычайной работы.⁹⁷⁾ Наконецъ, послѣдняя, естественная стадія въ развитіи печали есть отчаяніе, какъ состояніе совершеннаго духовнаго угнетенія и безнадежности. „Отчаяніе происходитъ вслѣдствіе множества грѣховъ, обременной совѣсти и невыносимой печали о томъ, что душа покрыта множествомъ язвъ. Еще постигаетъ насъ отчаяніе вслѣдствіе гордости и самомнѣнія, когда почитаетъ кто себя какъ бы не заслуживающимъ приключившагося ему паденія.“⁹⁸⁾ Авва Исаакъ указываетъ еще новую психологическую причину печали во всѣхъ ея видахъ; печаль и уныніе, говоритъ онъ, происходятъ отъ паренія ума, а пареніе ума отъ празднословія, чтенія и суетныхъ бесѣдъ, или отъ пресыщенія чрева.⁹⁹⁾ Всѣ указываемыя Богомудрыми подвижниками причины печали, унынія и отчаянія можно кратко выразить такъ: указанныя патологическія состоянія души происходятъ, какъ результатъ всѣхъ страстей, отъ сознанія неудовлетворенности началами эгоизма. Поставляетъ ли человекъ себя, свое матеріальное благо цѣлью своей жизнедѣятельности,¹⁰⁰⁾ онъ скоро убѣждается или въ

⁹¹⁾ Доброт., т. II, стр. 70, § 101.

⁹²⁾ Тамъ же, с. 72, § 107, с. 270, § 1, II. Лѣствица слово 13, стр. 160.

⁹³⁾ Доброт., т. II, с. 72. § 108.

⁹⁴⁾ Добр., т. II, стр. 274. § 1.

⁹⁵⁾ Лѣствица. Слово 13. § 2.

⁹⁶⁾ Варс. Отв. 470, с. 404.

⁹⁷⁾ Варс. отвѣтъ 559. Стр. 468.

⁹⁸⁾ Лѣств., сл. 26 стрр. 286—287. § 89.

⁹⁹⁾ Исаак. Сир. с. 169.

¹⁰⁰⁾ Таковы: чревоугодіе, блудъ, сребролюбіе.

томъ, что матеріальное благо составляетъ цѣль исканій и желаній многихъ, такъ что онъ не можетъ воспользоваться имъ,¹⁰¹⁾ или въ томъ, что искомое благо не даетъ ему полного удовлетворенія, даже въ случаѣ полного владѣнія имъ,¹⁰²⁾ что у него есть, и время отъ времени проявляются какіе то иные запросы,¹⁰³⁾ на которые онъ не хотѣлъ бы обращать вниманія. Сознаніе неудовлетворенности души и ограниченности искомага блага порождаетъ недовольство собою и окружающимъ, которое и выражается, смотря по внутренней силѣ, въ трехъ указанныхъ формахъ печали. Поставляетъ ли человекъ себя цѣлью своей жизнедѣятельности, цѣлью для всѣхъ окружающихъ, возводитъ эгоизмъ въ принципъ своей дѣятельности,¹⁰⁴⁾ онъ одинаково приходитъ къ сознанію, что начало эгоизма не даетъ полного удовлетворенія, что то благо, которое онъ хотѣлъ бы сдѣлать исключительно своимъ, не дается ему, такъ какъ есть много другихъ равноправныхъ ему существъ, которыя тоже хотятъ жить. Даже и въ томъ случаѣ, если эгоистъ достигаетъ цѣли своихъ стремленій, даже если онъ достигаетъ того, что всѣ признаютъ его цѣлью своей личности,—и въ этомъ случаѣ онъ не можетъ найти полного удовлетворенія, потому что съ одной стороны является желаніе еще большей славы, почета и превозношенія своего „я“, а съ другой—просыпается въ глубинѣ души червь совѣсти, который свидѣтельствуетъ ему, что гордая вавилонская башня, воздвигнутая эгоизмомъ, построена на пескѣ и легко разрушима; онъ приходитъ къ сознанію, что есть другія равноправныя и свободныя существа, которыхъ онъ поработилъ и и сдѣлалъ средствомъ для себя. Въ томъ и другомъ случаѣ, то есть, возникаетъ ли сознаніе неудовлетворенности отъ новыхъ непомѣрныхъ требованій эгоизма, или отъ укоровъ проснувшейся совѣсти, благо личности нарушено и душевный кризисъ разрѣшается въ новые недуги: печали, унынія и отчаянія. Такимъ образомъ, печаль и ея спутники одинаково сопровождаютъ какъ плотскія, такъ и духовныя страсти. Но они могутъ быть и посредствующимъ переходнымъ звеномъ между тѣми и другими. Неудовлетворенность, необходимо сопровождающая плотскія страсти, переходитъ въ отчаяніе, которое характеризуется какъ сознаніе бесплодности жизни и

101) Сребролюбіе.

102) Блудъ и чревоугодіе.

103) Духовныя.

104) Гнѣвъ, тщеславіе, гордость.

желаніе умереть.¹⁰⁵⁾ Но такое аффективное состояніе непродолжительно, оно необходимо разрѣшается въ новую форму: или въ эгоизмъ, или въ печаль о Богѣ. Иногда во время самогo отчаянія и сознанія полной неудовлетворенности матеріальнымъ благомъ, рабъ страстей получаетъ грѣховную радость, что можно еще быть счастливымъ, что до сихъ поръ онъ слѣпо отдавался своимъ страстямъ и потому неудовлетворенъ, что можно подчинить ихъ и все своему „я“, и тогда его благо обеспечено. Такимъ образомъ изъ печали и отчаянія выражается гордость и тщеславіе,¹⁰⁶⁾ въ развалинахъ страстей плотскихъ вырастаетъ древо тщеславія и гордости. Тщеславіе и гордость не суть какія либо единичныя, изолированныя страсти, какъ напр. чревоугодіе и сребролюбіе. Каждая изъ нихъ можетъ поработать челоуѣка и при отсутствіи другой. Тщеславіе и гордость, напротивъ, сопровождають всѣ страсти, соприсутствуютъ каждой изъ нихъ.¹⁰⁷⁾ Всѣ прочія страсти могутъ быть истреблены и истребляются добродѣтелями, напр., чревоугодіе—постомъ, блудъ—воздержаніемъ, сребролюбіе—милосердіемъ къ бѣднымъ и т. п.; но страсти тщеславія и гордости сопровождаютъ самыхъ добродѣтели и губяють ихъ.¹⁰⁸⁾ Психологически эти страсти такъ тѣсно связаны между собой, что нѣтъ возможности сдѣлать точное разграниченіе ихъ. Св. подвижники, если дѣлають какое различіе между тщеславіемъ и гордостью, то развѣ только въ томъ смыслѣ, что признають первое слабѣйшею формою, или первоисточникомъ послѣдней.¹⁰⁹⁾ Инымъ угодно отдѣлять тщеславіе отъ гордости и назначать ему особое мѣсто и слово, но между ними нѣтъ разности, говоритъ св. Лѣвiticъ, ибо кто, побѣдивъ тщеславіе, имѣеть въ себѣ гордость? Одно—начало, другое—конецъ.¹¹⁰⁾ Гордость есть совершенно разившееся въ душѣ тщеславіе. Св. подвижники поучають, что во первыхъ, тщеславіе есть первая и губительнѣйшая изъ всѣхъ страстей, гордость и тщеславіе порождаютъ всякое зло,—во вторыхъ,—есть зло наиболѣе присущее душѣ челоуѣческой и трудно искоренимое. Гордость есть первое зло и источникъ золь, потому что гордостью палъ лучшій

105) Лѣств., сл. VI, с. 108. § 8.

106) Тамъ же, с. 124. § 47. с. 117. §§ 13—14.

107) Преп. Варсан., отв. 154, с. 149. Преп. Дорое., поуч. 1, с. 24—25. Добр., 11, с. 86. § 132.

108) Добр., т. 11, стр. 89, § 137.

109) Преп. Варсан. отв. 457, 395. Лѣств. сл. 23, § 2, с. 227.

110) Лѣств. сл. 22, стр. 217. § 1.

изъ ангеловъ, 111) гордостію же сначала падаютъ и всѣ люди. Богодарованныя достоинства человѣческой природы въ гордомъ помышленіи принимаются за свои личныя достоинства, источникъ и Даровавшій ихъ забываются. Въ своемъ развитіи гордость бываетъ двухъ родовъ. Первый родъ гордости состоитъ въ разрывѣ союза съ ближними, оскуднѣніи любви къ нимъ и превозношеніи надъ ними, соединенномъ съ желаніемъ обратить ихъ въ средство для своего эгоизма. 112) Это первый періодъ гордости. Если человѣкъ не слѣдитъ за своимъ духовнымъ развитіемъ, не борется противъ самомнѣнія, то за первымъ періодомъ скоро наступаетъ второй періодъ: гордость на самого Бога. Въ первомъ періодѣ гордящійся считаетъ себя лучше и нравственно выше своего ближняго и послѣдняго уничижаетъ, во второмъ приписываетъ свои подвиги и добродѣтели себѣ самому, а не Богу; существенный признакъ этого періода есть отрицаніе Божественной благодати, какъ дѣятельной споспѣшницы въ добродѣтели. Начинается эта духовная болѣзнь обыкновенно съ горделиваго, не считаемаго у насъ невиннымъ, самопревозношенія. Обнаруженіе достоинствъ ближняго или въ дѣятельности его, или въ общественномъ мнѣніи болѣзненно поражаетъ наше самолюбіе и побуждаетъ осудить ближняго, указавъ въ немъ какой нибудь недостатокъ, или отрицая очевидное его достоинство указаніемъ на другихъ достойнѣйшихъ. При этомъ эгоистическая подкладка нашихъ рѣчей совсѣмъ не въ томъ, что мы хотимъ исправить мнѣніе о ближнемъ, но выставить на видъ, хотя бы только въ своей душѣ, свои собственныя достоинства. Самое указаніе на недостатки ближняго, или сомнѣніе въ подлинности его добраго настроенія, всегда и непремѣнно предполагаетъ себялюбивое сознаніе отсутствія этихъ недостатковъ въ своей личности и горделивое превозношеніе надъ ближнимъ. Тотъ братъ, который на увѣщанія старца не быть гордымъ сказалъ: извини, отецъ, я не гордъ, былъ уже гордъ и его горделивое самосвидѣтельство было яснѣйшимъ доказательствомъ его гордости. 113) Сознаніе своихъ достоинствъ, при мнимомъ отсутствіи недостатковъ, есть первая ступень въ развитіи тщеславія; гордое сознаніе своихъ достоинствъ влечетъ за собой критическое отношеніе къ ближнимъ, замѣчаніе и осужденіе ихъ недостатковъ, имѣющее цѣлію отчасти отгнѣнить и выставить на видъ свои достоинства,

111) Добр. 11, с. 87. § 135.

112) Преп. Дороея, стр. 42.

113) Лѣствица слово 23, стран. 229. § 14.

отчасти оградить себя, свое „я“ отъ всякаго притязанія со стороны ближнихъ; потому что самолюбивый и гордый человекъ всегда подозрителенъ и склоненъ видѣть во всѣхъ попытки свергнуть его съ сатанинскаго пьедестала гордости. Прекрасную и психологическую характеристику этого развитія горделиваго помысла приводитъ преп. Авва Дорофей въ примѣрѣ одного брата, „Сначала если кто изъ братій говорилъ ему что либо, рассказываетъ Авва, онъ уничижалъ каждого и возражалъ: что значить такой то, нѣтъ никого достойнаго кромѣ Зосимы и подобнаго ему. Потомъ началъ и сихъ осуждать и говорить: нѣтъ никого достойнаго кромѣ Макарія. Спустя немного, началъ говорить: что такое Макарій, нѣтъ никого достойнаго кромѣ Василия и Григорія. Но скоро началъ осуждать и сихъ, говоря, что такое Василий и что такое Григорій, нѣтъ никого достойнаго кромѣ Петра и Павла. Черезъ нѣсколько времени онъ началъ говорить: никто ничего не значить кромѣ Св. Троицы. Наконецъ возгордѣлся онъ и противъ Самого Бога. 114)“ Такимъ образомъ, начинаясь съ мнимосправедливаго предпочтенія одного человека другому, тщеславіе собственно клонится къ тому, чтобы возвысить свое „я“ путемъ осужденія и униженія ближнихъ. Всякому извѣстно, какъ трудно уберечься отъ тщеславія при осужденіи ближнихъ и какъ осужденіе рѣдко является результатомъ чистой любви къ ближнему безъ какой либо примѣси тщеславія. Будучи первоисточникомъ всякаго зла, ибо завистливою гордостію діавола вошелъ грѣхъ въ міръ, тщеславіе составляетъ сущность грѣховной проказы человека, и освободиться отъ него такъ же почти трудно, какъ переменить свой ви́шній видъ. Оно проникаетъ и сопровождаетъ какъ наши добродѣтели, такъ и наши пороки, и каждый случай ви́шней и внутренней нашей жизни обращаетъ въ поводъ для своего проявленія и усиленія. Всѣмъ безъ исключенія свѣтитъ солнце, но тщеславіе всѣ наши начинанія обращаетъ въ свою пользу. 115) „Напримѣръ: тщеславлюсь я постомъ; но и разрѣшая постъ, чтобы меня не считали постникомъ, опять тщеславлюсь, какъ человекъ благоразумный. Одѣтый пышно, препобѣждаю тщеславіемъ, но и надѣвая бѣдную одежду, опять тщеславлюсь. Какъ ни бросишь эту рогулю, всегда однимъ рогомъ станетъ къверху“. Приведенныя слова св. Лѣствичника, думается, достаточно уясняютъ важное значеніе тщеславія въ духовной жизни.

114) Преп. Дорофей. поуч. второе, стр. 12—13.

115) Лѣствица, сл. 22, с. 218. § 5.

Ясно, что въ немъ корень всѣхъ золъ, что освободиться отъ тщеславія значитъ совершенно обезпечить себѣ восхожденіе по ступенямъ духовнаго совершенства. Съ тщеславія именно и нужно начинать искорененіе страстей, борьба съ нимъ должна составить первый актъ побѣдной борьбы христіанина противъ грѣха и діавола. Но, конечно, эта борьба дѣло не легкое и возможна для человѣка лишь съ помощію Божественной благодати; поэтому эта борьба возможна по преимуществу въ первый періодъ развитія страсти, когда горделивое сознаніе своихъ достоинствъ и уничтоженіе ближняго не потушили еще въ сердцѣ человѣка искры смиренія, то есть, пока тщеславіе не перешло еще въ гордость. Въ обычномъ словоупотребленіи слова тщеславіе и гордость почти синонимичны, но на языкѣ святыхъ подвижниковъ они рѣзко разграничиваются. Тщеславіе обозначаетъ собой первый періодъ горделивой страсти, когда Божественная благодать стоитъ еще при дверяхъ нашего сердца, ожидая смиренія и покаянія, и съ готовностію принимаетъ блуждающаго въ себялюбивыхъ мечтаніяхъ. Гордость обозначаетъ второй періодъ той же духовной болѣзни; въ этотъ періодъ наклонъ къ гибели человѣка—къ духовной смерти постоянно усиливается. Дѣйствіе Божественной благодати все меньше и меньше находитъ себѣ отзвукъ въ сердцѣ горделиваго, и наконецъ наступаетъ духовная смерть, т. е. совершенное погруженіе человѣка въ эгоизмъ и неотзывчивость на зовъ Божественной благодати. Тщеславіе, достигнувъ своей полноты, рождаетъ гордость. 116)

„Гордость есть отреченіе отъ Бога. Начало гордости—конецъ тщеславія, середина же—уничженіе ближняго, безстыдное разглашеніе о своихъ трудахъ, самохвальство въ сердцѣ, возненавидѣніе обличенія, а конецъ—отреченіе отъ Божіей помощи, превозношеніе собою, демонскій нравъ“. 117) На основаніи приведенныхъ мнѣній свв. подвижниковъ о гордости весьма легко выяснитъ психологическія данныя для опредѣленія гордости, какъ грѣховной страсти.

116) Лѣств. сл. 22, с. 226 § 44. Варсан. отв. 457, стр. 395. Добр. т. 11, с. 284. § 2.

117) Лѣств. сл. 23, с. 237—238. §§ 1—2.

Къ вопросу о церковномъ пѣніи.

Преосвященному Сергію, Епископу Вятскому, было до-
несено однимъ помощникомъ епархіальнаго миссіонера, что
ему (донositелю) нерѣдко приходилось слышать отъ расколъ-
никовъ и получать отъ нѣкоторыхъ письма, что существующіе
въ нѣкоторыхъ селахъ, заводахъ и городахъ церковные пѣв-
ческіе хоры своимъ пѣніемъ не привлекаютъ раскольниковъ
къ св. Церкви, но отталкиваютъ ихъ и даже расположенныхъ
къ православію. Своимъ многогласнымъ, театральнымъ и вы-
чурнымъ напѣвомъ эти хоры подаютъ поводъ заключать объ
отсутствіи въ нихъ благоговѣнія, смиренія и молитвеннаго
расположенія духа. Раскольники и даже православные назы-
ваютъ такое пѣніе безчиннымъ воплемъ, неестественнымъ кри-
комъ, запрещеннымъ 5 прав. 6-го Всел. Соб. Притомъ, лица,
составляющія церковные хоры, ведутъ себя на клиросѣ небла-
гопристойно. Радѣтели церковнаго единенія спрашивали мис-
сіонера: что отвѣчать раскольниковамъ о такомъ пѣніи и о та-
комъ поведеніи пѣвчихъ? На это донесеніе послѣдовало пред-
ложеніе Его Преосвященства слѣдующаго содержанія: „От-
вѣтъ по сему случаю долженъ быть одинъ, что безчинное пѣ-
ніе запрещается Православною Церковью, — настоятели церк-
вей, допускающіе это безчинство, подвергаютъ себя строгой
отвѣтственности предъ церковною властію. — Нельзя одобрять
и вообще учрежденіе постоянныхъ въ приходскихъ, особенно
въ сельскихъ церквахъ хоровъ изъ однихъ и тѣхъ же лицъ
на многіе годы. Такіе хоры лишаютъ возможности участво-
вать въ церковномъ пѣніи прочихъ прихожанъ, способныхъ
къ пѣнію и желающихъ пѣть на клиросахъ, а что особенно
достойно сожалѣнія — лишаютъ возможности участія въ пѣніи
дѣтей школьнаго возраста. Учредители постоянныхъ хоровъ
забываютъ или не хотятъ знать, что обязательное въ церков-
но-приходскихъ школахъ обученіе церковному пѣнію введено
именно для того, чтобы дѣти могли участвовать въ пѣніи въ
церкви какъ на клиросахъ, такъ и за клиросами. Но такъ
какъ въ школахъ дѣти обучаются церковному пѣнію не пар-
тесному, театральному, а обиходному, общепринятому въ пра-
вославныхъ церквахъ и по руководствамъ, одобреннымъ Св.
Синодомъ: то само собою понятно, что во всѣхъ церк-
вахъ и должно быть такое пѣніе, т. е. обиходное, об-
щепринятое, простое, а потому кто бы ни стоялъ на
клиросахъ въ качествѣ пѣвцовъ, — всѣ должны пѣть такъ,
какъ указано высшею церковною властію въ церков-
ныхъ обиходахъ и одобренныхъ сею властію руководствахъ,

а не по сочиненіямъ частныхъ составителей, изъ которыхъ многіе и неизвѣстны церковной власти. Слѣдить за стройностію, правильностію и благозвучіемъ пѣнія, благочиніемъ и благоповеденіемъ пѣвцовъ обязаны мѣстные приходскіе священники (равно и благочинные), безъ разрѣшенія которыхъ никто изъ мірянъ не имѣетъ права становиться на клиросъ и пѣть по своему произволу. Особенно должны заботиться о благообразіи и благочиніи въ пѣніи и не дозволять въ своихъ церквахъ пѣнія крикливаго, безчиннаго, иноземнаго, священники приходовъ, въ которыхъ есть старообрядцы и раскольники. Всѣмъ настоятелямъ церквей поставляется въ обязанность воспретить регентамъ и руководителямъ пѣвческихъ хоровъ въ церквахъ размахивать во время пѣнія руками и даже одною рукою, стучать камертономъ, толкать пѣвцовъ въ бока, вырывать тетради, бить малыхъ пѣвчихъ по головамъ и стоять пѣвчимъ задомъ къ иконамъ. Тотъ плохой регентъ, котораго хоръ не можетъ пѣть безъ маховъ; тѣ плохіе пѣвцы, которые рѣшаются пѣть, не зная твердо напѣва; тѣ регенты не терпимы, которые дозволяютъ себѣ во время пѣнія въ церкви неприличныя и обидныя дѣйствія и движенія и ставятъ на клиросѣ своихъ пѣвчихъ задомъ къ иконостасу, лишая ихъ возможности молиться въ свободное отъ пѣнія время (№ 5 Вят. Епар. Вѣд.).

Содержаніе:

1. Посѣщеніе города Великаго Устюга Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ.—2. Поѣздки Епарх. миссіонера.—3. Психологическій элементъ въ аскетическихъ твореніяхъ и его значеніе для пастырей церкви. Л. Соколова.—4. Къ вопросу о церковномъ пѣніи.

Редакторъ **Ив. Суворовъ.**

Дозволено цензурою. Юля 13 дня, 1898 года. Вологда.

Въ типографіи Губернскаго Правленія.